

В журнале «Алтай» № 1 за 2022 год обнаружилась любопытная рецензия на роман «Барнаул-517» Сергея Данилова. Заинтересованному читателю-барнаульцу подобную новинку никак не миновать.

Примером Барнаула в литературе назовем такие произведения: Максим Зверев «Заимка в бору», Александр Баздырев «Конец Нахаловки», Петр Бородкин «Царская милость», Вячеслав Чиликин «Записки старого барнаульца», Ольга Берггольц «Пимокаты с Алтайских», Сергей Залыгин «Комиссия», Алексей Новиков-Прибой «За хлебом». Особенно интересно, когда город проявляется в воспоминаниях иностранцев, носителей иного культурного кода, например, в работах Альфреда Брэма, Карла Ледбура, Фитцроя Маклина.

И вдруг такая удача — «Барнаул-517». Художественное произведение написано бывшим барнаульцем, литератором с наградами, к тому же роман удостоился рецензии на страницах толстого журнала. Отзыв университетского филолога Светланы Козловой нацеливает читателя на погружение в жизнь революционного Барнаула и подчеркивает неординарность литературного явления: «...Автор не просто создал художественную реконструкцию реальной ситуации, а на основании изучения архивных материалов, опросов старожилов предложил новую версию этого события не как стихийного бедствия, а как планомерно организованной диверсии революционных сил». Кроме того, рецензент отмечает топонимическую уникальность романа, глубокое знание сибирской глубинки, ее быта и нравов: «Топография исторической части города представлена автором досконально... Список городских топонимов повторяется трижды, увеличиваясь с каждым разом».

Плачу 5,90 руб. сетевому книгопродавцу, ибо бумажный вариант слишком дорог, скачиваю книгу и погружаюсь в чтение.

Текст, без сомнения, интересен, но не описанием сибирского городка между двумя революциями. На мой взгляд, никакой

историчности в романе не наблюдается. В нем нет опоры на документы, нет новых версий и тем более опросов старожилов. Пустая выдумка. В лучшем случае мы имеем дело с фрагментами детских воспоминаний, фельетонами дореволюционных газет и байками современной блогосферы. Текст достоин рассмотрения лишь в части общественной дискуссии, на которой уместны следующие вопросы: что происходит с отечественной литературой? Имеет ли литература моральное право на подмену ценностей и смыслов?

Перед нами обычный продукт бульварного чтения, выдающий себя за образец большого стиля. Совсем не напрасно в книге мелькает отсылка на кинофильм «Фантомас». За образец взяты не Пушкин, Гоголь и Толстой. К слову, их именами в начале века названы улицы Барнаула. В романе Сергея Данилова книг не читают, библиотек не имеют, и классикам в переключке времен места не находится. Автор взял за образец масскульт литературного дуэта, экранизацией которого потчуют барнаульского обывателя в кинотеатре «Триумф».

Сергей Данилов воспользовался нехитрыми рецептами от создателей «Трупа в зеленом чемодане» и перенес действие на провинциальную почву.

Позвольте, если перед нами самый расхожий бульвар, то зачем выводить город главным героем? Гораздо безопаснее работать с городом-фантомом, фантазировать по полной, где не надо отвечать за «доскональное знание», а достаточно сказать: я так вижу. Отечественная литература в силу прочности уз «поэт и царь» крепка традицией «города которого нет» — от Города NN до Города Глупова. В качестве примера криптографии нового времени назову книгу томского автора Владимира Костина «Колокол и болото», где Томск иронично назван Потомском. И наш Барнаул бывал Сибирскими Афинами (у Петра Семенова-Тян-Шанского), Четвертым Римом (у Андрея Вознесенского), Старогорском (у Вячеслава Чиликина) и даже Столицей мира (у братьев Ореховых). Кстати, в 2023 году на литературной ниве Алтая появилось весомое прибавление, теперь своей жизнью живет город Приобск из романа «Русский остров» Ивана Кудинова.

Итак, пройдем по роману Сергея Данилова. Для начала расшифруем заголовок. «Барнаул-517» не более чем секретный код

заговорщиков. Вот как об этом говорят персонажи на тайном заседании в публичном доме: «Название операции должно содержать название места, где она будет проводиться, и время. «Б-517» — первая буква означает, без сомнения, город Барнаул. Время: семнадцатый год, пятый месяц: май». И действительно, события романа разворачиваются в 1917 году, с марта до майского пожара. Читатель узнает, что Февральская революция в России состоялась, и в Барнауле что-то произошло. Однако автор никак не может определиться, что именно, и кому принадлежит городская власть.

Роман Сергея Данилова фантастичен и скандален. Фантастика начинается в первых числах апреля, когда сельская учительница Анастасия Павловна получает письмо из лагеря военнопленных № 161. Барышня самочинно закрывает школу и отправляется в Барнаул спасать немца «заочника», а крестьяне отбывают на поля. Так учительница в начале апреля беседует со своей воспитанницей: «Посевную начинаете?» — восторженно спрашивает сельская учительница. И девочка-крестьянка бойко ей отвечает: «На поля все завтра выезжают, я дома с младшими за няньку остаюсь». Сергей Данилов когда-то жил в наших краях, но в настоящее время обитает на юге России. Вероятно, поэтому чудеса в природном календаре Сибири поджидают читателя на каждом шагу.

А теперь к политике. После первоапрельской посевной сюжет переезжает в город, где немцы и большевики по примеру императора Нерона уже замыслили сжечь Барнаул. Они предполагают, что гибель городка приведет, ни больше ни меньше, к пролетарской революции. Обыватели догадываются о замыслах злодеев и с горечью рассуждают о судьбах России: «Они возглавят Советы, снова как в пятом годе, а затем и власть приберут безо всякого Учредительного собрания, как айн-цвай-драй развернут гражданскую войну в России, используя два миллиона немецких пленных, которые только и ждут своего часа начать красную коммунистическую бойню, или как там, «красный террор диктатуры пролетариата».

Для исполнения адского замысла большевикам и немцам требуется всего ничего — сбросить с аэропланов стеклянные шарики с напалмом от злодея-аптекаря Майера. Тем более, что зелье давно готово, люфтваффе расставлены по усадьбам бауэров, и «аэропланы точно летают в степи, вплоть до Кулунды». Чтобы

проверить горючую смесь (рецепт в романе имеется), заговорщики проводят загадочный эксперимент: они поджигают кресты на Нагорном кладбище. Разгул в некрополе впечатляет. Читатель встретит полный бульварный набор: обгоревшие кресты, таинственное свечение, секретные сборища и даже отстрел гениталий пролетающему мимо германскому резиденту. Кстати, по причине трагического ранения, заговорщики изменили план поджога города. Собравшись, как всегда, в публичном доме, они постановили распылить горючую смесь с файер-повозок от гения форсуночной мысли агронома-садовода Гентцеля. А чтобы подозрение не пало на злодеев, первый джихад-мобиль подожжет усадьбу начальника пожарной части. На пиротехническую феерию автор натягивает социальный конфликт. Добро кое-как вступает в схватку со злом, не побеждает, но портит злодеям нервы.

Персонажи, как герои оперетты, легко распределяются по трем ячейкам: отрицательные — большевики и немцы; ни рыба ни мясо — либералы; силы добра и света — мещане, купцы, жандармы.

Большевики и немцы не просто отрицательные персонажи, в понимании автора они «гении злодейства» и «повелители ужаса». Городская ячейка РСДРП подана в жанре политического навета, автора не останавливают даже исторические личности Василия Присягина, Николая Малюкова, Дмитрия Сулима. Николай Малюкова автор регулярно путает с министром Временного правительства Павлом Милюковым («Вовремя Милюков увел учебный батальон в летние лагеря — тушить-то нынче некому!») Да чего там, автор даже события Кровавого воскресенья умудрился перенести на другую дату. Биографии героев-революционеров Данилов с легкостью шельмует, перекраивает события, в уста героев былых времен настойчиво вкладывает свои мысли и фобии. В частности, он пишет: «Прежний начальник, полковник Шевандров, арестован гарнизонным комитетом, в котором полно социалистов, избран некий Дмитрий Сулим, командир учебной команды полка, подпоручик из полтавских учителей. Он держался до поры тихо, старался всех мирить. В действительности Сулим националист украинского толка, как и многие местные социал-демократы, кто евреи, кто поляки, кто латыши...»

Вымышленные фигуры «горкома РСДРП» (так у автора) еще более отвратительны. Автор ничем себя не ограничивает, к примеру, в описании Дуньки из горкома. Перед нами партийный функционер и женщина-вамп в одном лице, она же проститутка из дома терпимости, преступница широчайшего профиля Инесса Клаузевиц, она же Капризуля, она же дочь малороссийского купца Роза Кауфман и агент ленинской «Искры». Недалеко ушла ее товарка, партийная Манефа — немка Дора Вайс, обожавшая на купеческих застольях прикидываться наивной гимназисткой. Что ж, незатейливы взгляды автора на тектонические сдвиги в России. Это вам не «Хождение по мукам», здесь все просто: через проституцию — в революцию. Данилов пишет: «И столько их оказалось много в Питере того времени, этих женских коммун, описанных Чернышевским в «Что делать?», что право, непонятно, откуда взялись, и все в революцию влюбленные, и все прибыли недавно с Малороссии да Бессарабии, по большей части еврейки. Им нельзя было просто так в столицах жить из-за черты оседлости, они что делали? Брали в полицейской управе «желтый» билет, становясь тем самым профессиональными, законными проститутками, что приравнивало их к купцам и мастеровым...»

Еще один злодей, прибывший из Мариинска комиссар Осип Юдалевич, изводит жандармских чинов, заполняет вакансии партийной милицией и въезжает в экспроприированные апартаменты (знакомая тема, перепев сюжета «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова). В роли злодейки предстает жена Дмитрия Сулима («из еврейских торгашей некая Лариса Гук»), отвратительны партийные челкаши Васюрин Тимофей и Рожнов Прокопий — базарные грузчики и фронтовые дезертиры. Для большевиков не нашлось ни одной положительной черты, ячейка РСДРП — исчадие ада. Разве что мила и наивна партийная попутчица, дочь Лесневского, провинциальная Сонечка Мармеладова.

Другой источник зла и плод бульварных упражнений — немцы, воплощающие образчик литературы о «попаданцах». В отличие от прочих героев, немец стратифицирован обстоятельно, перед читателем разворачивается этническая шеренга: бауэры, военнопленные, резиденты. Желая показать, что немцы давно оккупировали Алтай, автор сочиняет феерическую историю

рудного края: «Кабинет послал в Барнаул следственную комиссию, опять же с немцем Бэром во главе, по удивительному совпадению, родным дядькой Христиани, а в составе комиссии и сам Христиани оказывается, и, конечно, — айн, цвай. <...> Но тем землеустройством занимался не сам царь-батюшка, а кабинетные чиновники его величества, что сплошь и рядом из немцев состоят».

Эта «айн-цвай» — история у Данилова тянется на протяжении всего романа. Пленные немцы обитают в городе без затей, имеют прислугу из хохлов и мадьяр, ничего не делают, сорят деньгами и поджениваются на дочках либерального купечества. Под Горой немцы сооружают Слободу по образцу, описанному в романе Алексея Толстого «Петр I».

По всей вероятности, из разговоров со старожилками автору доподлинно известно, что «...чаще всего нынешние германские посетители собираются у самой старой могилы Геблера, или новой Штильке».

Глупа и неприглядна в романе либеральная интеллигенция, все как один негодяи и масоны. Февралист у Данилова обязательно с червоточиной, есть в нем нечто от горьковского Клима Самгина. А была ли революция, может, революции и не было? Либералы в романе ничем не заняты, а только рвут на Московском проспекте сирень и рассуждают о судьбах России. Вот мыслишки типичного представителя: «После избрания городским головой я хотел требовать от столицы не присылать нам своих уголовников на поселение, вот собственно, и все. А то серебро, золото, сыры, масло, мясо, камнерезные произведения искусства, да налоги в Петербург уходят, а нам обратно каторжане уголовные едут. Помните книгу нашего Ядринцева “Сибирь — колония России”?». Мы помним книгу Ядринцева «Сибирь как колония». Уточним: ввиду того, что Барнаул был центром особого округа, количество ссыльных в нем поддерживалось минимальным, в отличие от Нерчинска, Туруханска и даже Читы. И то — в города Сибири обильно ссылались политические. И какие это были люди! Если бы нам присылали таких, то край в культурном смысле только выиграл. По подсчетам некоторых ученых, в 1870 — первой половине 1890 годов на Алтае проживало всего 106 политических ссыльных. (Никулина И.Н. «Политическая ссылка

на Алтай в XIX веке». Цитируется по книге В. Кладова, В. Скубневский «Василий Штильке», Барнаул, 2020). Сереброплавильный завод в Барнауле закрыт в 1893 году, никакое серебро уже не уходит в Петербург. Что касается вывоза сыров, масла и прочего, то это как раз приносило краю прибыль.

Малопривлекательны в книге Данилова известные люди Барнаула. Не вымышленные автором, а реально существовавшие. Возьмите отставного главу города Лесневского, или нелепого «соцьялиста» Казанского, «премудрую крысу Онуфрия». Кстати, до последнего читатель так и не раскусит фигуру Порфирия Казанского. Он то председатель загадочного городского Народного собрания, то глава несуществующего городского законодательного органа, то гласный Городской думы и секретарь общественного порядка. Алчен думский депутат и масон Василий Вершинин. Его на раз-два «вычислил» ротмистр Федор Титов: «Послушайте, Василий Михайлович, признайтесь, вы же масон, член тайной ложи Великого Востока народов России. По долгу службы: я жандармский ротмистр, Василий Михайлович, нам надобно помнить имена нынешних террористов, бывших народовольцев, анархистов и в том числе... членов тайных обществ».

Пронырливы и аморальны владельцы газет и электротеатров Вольдемар Шпунтович и Евдокия Лебзина. Но более других автор не любит «немецкого масона» Василия Штильке. Уже в первой главе читатель знакомится с невероятной биографией Василия Константиновича, это гремучая смесь цитат и густопсового вымысла. «Ну, вот. Стало быть, приехал из Петербурга наш Штилька-студент неудачный и говорит: “Я теперь крестьянствовать буду на своей земле!” Бауэром каким-то назвался. То бишь по-ихнему — знатным хозяином. Но с хозяйствованием у бауэра нашего нового не очень заладилось: ни коня сам запрячь толком не умел, ни за плугом пойти, известное дело — городской дворянин, казначеев сынок к тому же...»

Автор романа не удосужился заглянуть в биографию своего героя. Сергей Данилов не знает, что семья Штильке была православной и относилась к уникальной этнической общности — обрусевшие немцы. Он путает отца с сыном и не способен осознать

вклад Василия Штильке в дело народного просвещения. Автор крепко не любит «Штильку», считает его злодеем, всячески подчеркивает его принадлежность к масонам. Он пишет: «Пранга, Штильке, пивзавод не трогать, все остальные дома, заводы, фабрики, электростанции, железнодорожное депо и вокзал, училища, гимназии, школы уничтожить! Город Барнаул должен быть полностью стерт с лица земли! Доннерветтер! Как древний Карфаген!»

Кого же, в таком случае, автор любит? Какие герои служат нравственным ориентиром? Положительных персонажей в книге немного, и все они написаны пунктирно. Главным героем бульварного романа выведен отставной жандармский ротмистр Федор Титов — умен, расчетлив, человек плаща и шпаги, «двухгодичные высшие антитеррористические и антиреволюционные курсы в Петербурге...» — чем не комиссар Жюв?

Другие положительные герои — совсем невыразительные обыватели. Здесь читатель обнаружит работающую, но глуповатую солдатку; списанного по ранению нижнего чина, что отстрелил немцу детородный орган; молодого крестьянина, который, как Швейк, идет на войну; недотепу кладбищенского сторожа да массовку у стен Казначейства. От интеллигенции в положительные предлагается учительница-инженю, по недоразумению попавшая в публичный дом. На вершине пирамиды — справные хозяева, к примеру, добродетельная мещанка Мельникова и все те, кого купец Поляков собрал в загадочный союз «Истинного русского народа». О союзе скажем отдельно.

Может быть, издержки бульварного романа компенсированы дотошным описанием старого Барнаула, как настаивает рецензент? Быт Сибири в представлении автора анекдотичен, и благоглупостей так много, что список цитат занял два десятка страниц. В апреле у Данилова начинается посевная, «закипает» черемуха и отцветает сирень. Любовь к апрельской сирени у автора так глубока и наивна, что гроздя душистые встречаются на каждой второй странице: «рядом благоухала роскошными кистями соцветий вечерняя сирень»; «компания достигла домика с палисадником и кипенью цветущей сирени»; «Марыля на высокой патетической ноте приняла из рук правого кавалера роскошный букет белой амурской сирени».

Не лучше обстоят дела у автора и со знанием сибирской фауны. У него в апреле начинается подлет комара, бабочки-боярышницы и загадочного мотыля (прошу не путать с рыболовной наживкой). Цитирую: «...вчера бабочки с махровыми крыльями еще были, а сегодня вдруг разом исчезли, зато дом Савельевых сверху донизу облепили пушистые белые мотыли. Интересно знать, будет ли на них клевать окунь в Барнаулке?»

Вынуждены уточнить: Барнаул не Краснодар, и черемуха цветет «к похолоданию» в середине — конце мая, сирень распускается в начале июня; а в апреле идет ледоход, до майских праздников земля стылая, и посадки делятся в аккурат до Троицы. Это Сибирь!

Автор не знает сибирского быта. В его тексте кухарка Авдотья с важным видом поучает «сливки» общества: «Знамо дело, имеется в наличии лед, а потому что в самые Крещенские морозы был напilen на матушке Оби». А почему не в ночь под Рождество? У Максима Зверева в повести «Заимка в бору» находим верное описание: «В марте в Барнауле только начало таять. Чернели дороги. Шла заготовка льда на реке для погребов».

С «доскональным» знанием автором топонимики полное разочарование. Не город, а реникса. Топография скудна и скучна, она охватывает ареал от Нагорного кладбища до перелома рельефа на улицах Алтайских, что некогда в рудном городе имел народное название Волчья грива. Беда не в случайных неологизмах вроде «Немецкой слободы» или утверждении, что в Стеклянном логу «песок нашли подходящий». Даже Дунькину рощу автор временами путает с «Марьиной». Данилов пишет: «Полковую знаете? В Марьиной роще; все побережье Оби, от устья Барнаулки и вплоть до Марьиной рощи, уже полыхало».

Перед читателем тот случай, когда автор не знает исторических реалий города. Так, например, Данилов описывает «Немецкую слободу»: «Сначала улица Немецкая организовалась под Горой, рядом с заводом, потом целая Немецкая слобода застроилась». Если автор говорит про улицу Немецкая-Бельгийская-Денисова, то она расположена на Горе. На правом берегу Заводского пруда, куда Данилов поселил немцев и городскую знать, всегда лепилось товарное производство. Улицы, которые находятся рядом (сегодня это проспекты Ленинский, Социалистический, Красноармейский),

автор комично привязывает к сторонам света: «Эти улицы западнее от Московского проспекта... Как они называются? — Западнее с юга на север проходит Соборный и Конюшенный переулки».

И без комментариев оставим фантазии автора при сожжении им города: «Уничтожению предназначается вся центральная часть города, от причалов на реке Оби на востоке, до переулка Соборного на западе включительно, и от Дунькиной рощи на севере, до Старого базара и левого берега реки Барнаулки на юге. Напоминаю, Немецкая слобода, где проживает немецкая диаспора, — бывшее чиновничество Барнаульского сереброплавильного завода и Барнаульского горного округа — остается в целостности и сохранности на правом берегу реки Барнаулки».

Ближе к концу книги автор вообще забывает об «историческом» романе и принимается сочинять политическую прокламацию: «Удивительный факт, даже после того, как краснемецкие войска 5-й Красной армии (при штабе которой выходила газета на немецком языке «Роте шутце» — «Красный стрелок») захватили Барнаул в декабре 1919 года, присвоив всю захваченную территорию (Начальником (гауляйтером) Запсибкрая, к примеру, стал Роберт Эйхе — близкий родственник командарма 5-й Красной армии Генриха Эйхе)...»

Роман озабочен обценной лексикой. Мат — бич нашего общества и современной литературы.

Остается загадкой на каком языке изъясняются немцы-«попанданцы»? Так, военнопленный лагеря № 161 Фриц Краузе демонстрирует примитивное владение русским: «Шнель, шнель, шорта девка! Вы не смейт мне нит-чего заявляйт! Что за чушь вы несёйт!» Однако в следующем абзаце злодей Краузе академично излагает философию настоящего немца: «Я — ницшеанец, национал-социалист и в основе своей чистый ариец. Арийская раса превыше всех, находится на вершине человеческих рас... Славяне перемешались с турками, русские с татарами, монголами и мордвой, евреи вообще со всем миром...»

В современной манере автор беззастенчив в литературном копировании: так, в эпизодах базарной жизни вы встретите перелицованный сценический диалог Михаила Евдокимова

со стариком из Верх-Обского про поезда, аэропланы и подводные лодки. «Под Бийском люди видели, как аэропланы летают. Прилетели к немецкому колонисту, сели у него на утрамбованном поле, которое не засеивается, да не один, несколько, оттуда германские летчики вышли, их встретили бутербродами: хлеб с салом, а другие пленные в них сели и дальше полетели на фронт воевать. Отсюда летают наших бить...» И обнаружите беззастенчивую «цитату»: «Есть вода, холодная вода. Так пейте ж воду, воду, господа!» — из песни Владимира Высоцкого «На Перовском базаре».

В «Барнауле-517» в полной мере проявлен современный порок — интернет-зависимость. Автору кажется, что он способен незаметно вкряпнуть сетевой навал, а потому его герои без подготовки цитируют большие куски газетных статей, сомнительных философий, речи думских заседателей, афоризмы мудрых монархов и банальности глупых фавориток. Так на банкете философствует либерал Вершинин: «Так что даже по имени сравнивать гессенскую немку Алису не стоит с Александром Федоровичем, который в своем, не побоюсь этого слова, эпохальном выступлении в Думе 14 февраля провозгласил на всю страну, и это было напечатано в сотнях тысяч и миллионах экземпляров газет, в том числе и у нас здесь, в Барнауле, в моей типографии, я повторю по памяти, не судите строго...»

Не хуже отжигает немецкий эмиссар Базиль Альтфатер, предатель и сын предателя, капитан первого ранга Российского Морского генерального штаба: «Привожу вторую цитату из работы немецкого коммуниста Фридриха Энгельса «Демократический панславизм»: “На сентиментальные фразы от имени самых контрреволюционных наций Европы мы отвечаем...”»

В постели с большевичкой философствует немец рангом пониже, он тоже цитирует Энгельса: «Напомню, что германские отцы-основатели европейского коммунизма и российского большевизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс также всегда ощущали себя врагами России и русских. Приведу несколько цитат из работ Энгельса. Например, в своей работе «Революция в Венгрии» Энгельс, этот успешный английский капиталист, этнический немец и по совместительству революционер-коммунист пишет...» Далее следует дословная цитата.

В книге Данилова Энгельс не только отец российского большевизма, но и вдохновитель сожжения Барнаула! Такого наша история еще не знала, это будет посильнее «Фауста» Гете.

Что же в итоге? Перед нами сочинение, не представляющее культурной ценности: бульварный сюжет, плоские герои, нелепые цитаты и глупости социальных сетей. «Реконструкция на основе архивных материалов и опроса старожилов» оказалась фальсификатом, топонимика и быт провинции — курьезом. В целом — айн-цвай-драй беллетристика. Перенеси автор действие в город «Зеро», и не будет причин для обсуждения книги.

В завершение зададим себе несколько вопросов.

Почему автор так настойчиво прокламирует нелюбовь к немцам? «Роман» густо замешан на ксенофобии. Мы видим, как мелькают в негативном контексте латыши, украинцы, евреи. И пусть это факт биографии сочинителя. Враждебность по отношению к другим народам всегда присутствует при цивилизационном сломе, и кто «не мы»: русские, поляки, мадьяры, большевики, либералы, могоканы, инопланетяне — априори отрицательные биологические индивиды. Однако нелюбовь к российским немцам проявляется особенно.

Почему сибирский город так уродлив, с какой целью он выбран для опытов? Как ни читай роман, но Барнаул не имеет положительных свойств, за исключением амурской сирени и пары абзацев, срисованных с открыток фотографа Сергея Борисова. Автор взял взаймы прием «Скверного анекдота» (режиссеры А. Алов и В. Наумов), где все пропорции городского пространства нарушены, а герои уродливы, даже те, кто должен быть положительны. Перед нами скверный город.

С какой целью Данилов прибег к политической фальсификации? Пишет о том, чего не было и нет, зачем ему потребовалось сожжение Барнаула руками немцев и большевиков? Секрет кроется, пожалуй, в политических фобиях и проекциях интеллигента времен социальной катастрофы. К политической проекции следует отнести авторский агрессивный антисоветизм. «Демонизация истории коммунистического движения... превратилась в обязательный тест на респектабельность» (Гровер Ферр «Красная империя зла». — Москва, Издательство «Родина», 2020).

Только Данилов опоздал лет на тридцать с очернением советского прошлого. Если бы автор заглянул в биографии героев былых времен, то узнал о том, что Малюков Николай Дмитриевич, чьим именем назван скромный нагорный переулочек, принял мученическую смерть на Нагорном кладбище, хотя мог отречься от своих убеждений. А Присягин Иван Вонифатьевич возглавил сопротивление настоящим, а не вымышленным интервентам, и был расстрелян в августе 1918 года.

Появись роман в начале девяностых, наверняка вызвал бы в городе переполох и обожание определенной части читателей. Но мы повзрослели и исторический навет автору не прощаем. Общество не может более позволить сморкаться на нашу историю.

Мы обнаруживаем современные политические проекции и на просвещенных либералов, совершивших мартовский переворот в Барнауле (а это был именно переворот). Автор отказывает провинции в умении читать и мыслить, в барнаульской либеральной среде ничего не знают о воззрениях Петра Чаадаева, Александра Герцена или того же Павла Милюкова, да просто нет внятной мысли. Либералы в романе уродливы, меркантильны и никчемны. При том что реальные либералы Барнаула были умны, идейны и пассионарны. Именно либералы весной 1917-го перехватили власть у монархистов, а в сентябре вошли в состав учредительного съезда по выходу «зеленой» Республики Сибирь из России.

Искаженная авторская проекция обнаруживается и в загадочном союзе «истинно русских людей». Собственно, мысль не нова, так в начале XX века формировалась идеология «черносотенства». Однако и здесь Данилов не оперирует реальными персонажами. Его монархизм примитивен и такой же фантом, как злой большевизм. В романе даже не упоминается лидер барнаульских монархистов Евгений Клевакин, который в марте 1917-го сделал заявление: «Не я отрекся от царя! То царь отрекся от меня!»

Сергей Данилов демонстрирует в книге едкую смесь политической эклектики и болезненное переживание обывателем новейшей истории. Его и монархистом не назвать, поскольку к монархизму относится он саркастично, считая российскую

монархию порочной ввиду засорения царской генетики германской кровью (гессенская немка), о чем говорит в своей книге. Что удивительно, в его «Союзе истинных» принципиально отсутствует идейный компонент — православие.

Да и народность подменяется идеями справедливого (в понимании автора) разделения прибавочной стоимости между буржуа и пролетариатом. Развернутую доктрину автор вложил в уста купца Полякова, не согласного с Марксом: «Мы люди русские, у нас дело на доверии строится. Этот их коммунистический Карл Маркс все грехи общества на прибавочную стоимость возложил, дескать, ее присваивает бездельник-капиталист, обдирает рабочих как липку, хотя исключительно они одни ее в поте лица создают...»

В таком случае для каких целей Данилов взял займы «Союз истинных»? Может быть, следовало сочинить собственный «Союз работающих»? Идейную подоплеку читатель обнаружит в финале. «Союз истинно русских людей для того и был организован, чтобы совместно в трудную минуту организованно защитить жизнь нашу российскую, православную от гримас разных нежитей». Перед нами материализация идей Ивана Ильина — «солидаризм» нации на основе «здорового национально-патриотического чувства». И ради этого стоило сжигать Барнаул?

Закрывая книгу, задаешь себе вопрос: что это было? Небрежение историей, нелепые страсти, скудоумные герои — вся совокупность, что пытается выглядеть литературой. Для Данилова ничто не ценно, ради популярности он несет слово без смысла, превращает героев в злодеев, а злодеев в героев. Трагизм в том, что Данилов со своими опытами типичен.

Сергей Ужакин.